

Студенты Московского Императорского университета в правовом поле Российской империи: под надзором трех инстанций

М. В. Фадеева

Фадеева Марина Владиславовна магистр истории, аспирант Школы исторических наук факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20. E-mail: marina.fadeeva.o@gmail.com

Аннотация. Рассматривая историю создания в 1902 г. в Московском университете Профессорского дисциплинарного суда и его деятельности, автор переосмысливает место студенчества в российском обществе того времени. Студенты подчинялись и общей для подданных системе права, и университетским уставам и правилам, и находились под особым контролем полиции. Анализируя правовое поле, в котором оказались студенты, реконструируя механизм судопроизводства в Профессорском

дисциплинарном суде и восстанавливая по архивным материалам конкретные судебные случаи, автор прослеживает, как отразились на студентах изменения политики — курс властей на дисциплинирование. Студенты университета, представшие перед Профессорским дисциплинарным судом, были уличены в нарушении норм административного права (чаще в нарушении общественной тишины и появлении на улице в нетрезвом виде) и университетской жизни (от передачи именного пропуска в университет другому лицу до подделки подписи преподавателя).

Ключевые слова: история высшего образования, история России XX в., история повседневности, Профессорский дисциплинарный суд, студенческие движения.

DOI: 10.17323/1814-9545-2016-4-251-275

Статья поступила в редакцию в ноябре 2015 г.

Текст подготовлен по результатам исследования (№ 15-05-0055), проведенного в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2015–2016 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

В начале XX в. с появлением нового органа — Профессорского дисциплинарного суда (ПДС), занятого исключительно делами студенческими, надзор за студентами, регламентировавшийся до сих пор общим законодательством империи и университетскими нормами, был усилен. Студенты университета оказались под тройным контролем, за ними следили и полицейские, и две университетские инстанции: университетская инспекция и ПДС. Легко ли было студентам соответствовать заданным требова-

ям, можно увидеть на примере тех, кто с этой задачей не справился, — подсудимых ПДС.

Появление Профессорского суда — одно из проявлений политики дисциплинирования, которую проводило государство в системе образования.

Подготовку необходимых стране образованных специалистов государство контролировало через утвержденные программы обучения, экзамены, уставы. Жизнь студентов регламентировали законы империи и внутриуниверситетские предписания, нарушение которых влекло за собой санкции вплоть до исключения из университета.

Взаимодействие студентов и власти

Взаимодействие студентов и власти, один из аспектов которого является предметом рассмотрения в данной работе, имеет сложившуюся историографическую традицию. И в дореволюционных работах, и в недавних исследованиях в студентах обычно ищут черты будущих революционеров, а власть обвиняют в жестокости по отношению к ним [Выдрин, 1908; Мельгунов, 1908; Орлов, 1934; Веселая, 1974; Щербакова, 1996; Вахтерова, 2000]. Работы, не вписывающиеся в эту традицию, очень редки [Корсаковский, 1897].

На основе анализа историографии удалось выявить десять отличительных черт студентов как социальной группы: общность и солидарность; стремление к выработке идеалов; переходность и неоднородность; демократичность; поиски себя; корпоративность; специфические представления о будущем; характерные политические взгляды; особый способ взаимодействия с обществом.

Некоторые из этих черт отмечают только авторы определенной эпохи, в отношении других солидарны большинство исследователей, многие черты оказываются спорными. Все авторы отмечают стремление студентов к общности и солидарности [Мельгунов, 1908; Сватиков, 1916; Kassow, 1989; Гришунин, 2005; Вишленкова, Галиуллина, Ильина, 2012]; выделяют их приверженность идеалам свободы, нравственности, идейной жизни [Мельгунов, 1904; Сватиков, 1916; Иванов, 1984; Щетинина, 1988; Анненков, 2002]; подчеркивают переходность и неоднородность студенчества как социальной группы, сложившейся из выходцев из разных социальных слоев и сохранившей следы их сословной принадлежности [Слиозберг, 1934; Лейкина-Свирская, 1971; Иванов, 1975; Георгиева, 1985; Щетинина, 1988; Симонов, 1995; Феофанов, 2006]; акцентируют демократичность [Сватиков, 1916; Лейкина-Свирская, 1971; Иванов, 1975; Георгиева, 1985] и поиски студентами себя [Мельгунов, 1908; Фроммет, 1912; Марголис, 1996; Завадский, 1998]. В отношении других пяти черт мнения исследователей расходятся. Корпоративность сту-

денчества отмечают большинство авторов [Выдрин, 1998; Иванов, 1984; Kassow, 1989; Вахтерова, 2000; Гришунин, 2005; Зимин, 2005; Вишленкова, Галиуллина, Ильина, 2012], но есть и те, кто пишет об ее уничтожении Уставом 1884 г.¹ Представления студентов о будущем одним авторам видятся неопределенными [Слиозберг, 1934; Kassow, 1989], другие отмечают как характерную черту студенческого мировоззрения уверенность в неизбежности перемен [Иванов, 2004]. Политические взгляды данной социальной группы одни исследователи называют неоднородными [Выдрин, 1908; Ельяшевич, 1934; Сабашников, 1989; Kassow, 1989; Анненков, 2002; Симонов, 1995], другие пишут о политической дифференциации и активности [Слиозберг, 1934; Линд, 1956; Веселая, 1974; Иванов, 1984; Радциг, 1989; Багдасарян, 2004; Завадский, 1998]. Студентов наделяют склонностью к либеральным [Салтыков, 1934; Рачковская, 1999] или революционным идеям [Спешков, 1908; Худяков, 1989; Щетинина, 1980; Завадский, 1998]. Взаимодействие студентов и общества большинство авторов характеризуют как взаимное доверие [Спешков, 1908; Фроммет, 1912; Курбский, 1912; Сватиков, 1916; Слиозберг, 1934; Изгоев, 1991], но пишут также и о студенчестве вне общества [Мельгунов, 1908].

Таков образ российского студенчества конца XIX — начала XX в. в историографии. В данной работе я ставлю задачу проследить взаимоотношения студентов с властью через реконструкцию правового поля, в рамках которого протекала жизнедеятельность студентов в университете и за его пределами. С этой целью я охарактеризую правовое положение студентов как подданных Российской империи и в качестве отдельной группы, опишу деятельность Профессорского дисциплинарного суда, историю его возникновения и механизм функционирования. При этом я сознательно ограничиваюсь лишь теми аспектами студенческой жизни, которые нашли отражение в практике ПДС.

А. Н. Дмитриев указывает, что в начале XX в. «университет оказывается чувствителен к вызовам времени, поскольку сам является средой формирования этих вызовов» [Дмитриев, 2009. С. 175], и отмечает «охранительный пафос» разных сфер правительственной политики. Создание ПДС можно рассматривать как одну из мер политики дисциплинирования применительно к университетскому образованию как средству формирования из студентов будущих лояльных к власти чиновников. В данной

Создание Профессорского дисциплинарного суда и его полномочия

¹ Комиссия Московского университета. Доклад 1901 г. о причинах студенческих волнений // Материалы по университетскому вопросу. Вып. 2. Stuttgart, 1904; Мицкевич С. И. Записки врача-общественника. 1888–1918 гг. М.; Л., 1941.

статье я не касаюсь системы поощрений как части этой политики и сосредоточиваюсь на исправительных наказаниях.

В подавляющем большинстве работ, посвященных студенчеству, правительственная политика не была главным предметом исследования, тем не менее обзор исторической литературы дает возможность ее охарактеризовать.

В дореволюционной историографии [Еленев, 1888; Георгиевский, 1890; Лютецкий, 1899; Гусев, 1901; Поссе, 1902; Мельгунов, 1904; Муравьев, 1971; Титов, 1905; Выдрин, 1908; Фроммет, 1912; Сватиков, 1916] можно выделить две противоположные позиции: это либо резко отрицательное отношение к политике власти по отношению к студенчеству, либо, напротив, верноподданнические — вплоть до панегирика А. О. Гусева — ее описания, где указывались пороки студенчества и обосновывалась необходимость крепкой руки правительства.

Советская историография [Гессен, 1932; Орлов, 1934; Лейкина-Свирская, 1971; Муравьев, 1971; Веселая, 1974; Петров, 1975; Иванов, 1975; 1984; Щетинина, 1980; 1988; Булдашов, 1981] затрагивала эту тему при описании тех или иных периодов студенческого движения. Исключение составляет диссертационное исследование А. Е. Иванова, полностью посвященное университетской политике самодержавия [Иванов, 1975]. Власть во всех этих трудах представлена как реакционная по своей природе «душительница свободы».

Современные исследователи [Иванов, 1992; Завадский, 1998; Вахтерова, 2000; Багдасарян, 2004; Зимин, 2005] также склонны анализировать политику власти в контексте студенческих выступлений, но есть и попытки рассмотреть ее под другим углом зрения: представить политику властей как часть студенческой повседневности [Зимин, 2005] или оценить студентов с точки зрения власти [Гришунин, 2005].

В зарубежной историографии [Кэссоу, 1992; Kassow, 1989; Morrisey, 1998] сложилась традиция рассмотрения системы высшего образования как изначально противоречивой: с одной стороны, она построена властью, а с другой — содержит источники потенциального неповиновения ей.

Таким образом, в представленной историографии взаимоотношения власти и студенчества рассматриваются преимущественно с точки зрения реакции власти на студенческие выступления. В дореволюционных работах присутствуют и критические оценки, и поддержка курса власти. Авторы советской эпохи оценивают власть исключительно критически. Попытка комплексного подхода к анализу политики властей в области высшего образования была предпринята А. Е. Ивановым, использовавшим такие источники, как законодательные акты, отчеты, доклады, циркуляры, листовки, прессу, воспоминания современников, архивные материалы. Однако он также использует эти источни-

ки для воссоздания реакции власти именно на студенческие выступления в период 1899–1904 гг. Мне представляется необходимым более широко взглянуть на взаимоотношения студентов и власти, не ограничиваясь рассмотрением студенческих волнений, и показать, как развивались эти отношения.

Профессор О. Н. Зелинский считал суд, в том числе ПДС, соединением элементов следствия и кары: «Возможные взыскания (к которым телесные, разумеется, не принадлежат) распадаются на следующие группы: материальные (штрафы), нравственные (выговоры) и в качестве высшего — исключение из академической среды. Из них штрафы по отношению к экономически несамостоятельным людям, каковы в большинстве случаев студенты, неприменимы. Лишение свободы, т. е. карцер, в принципе ненавистно студенчеству, как „детское“ наказание, и без скандала введено быть не может. Выговоры действительны только тогда, когда они исходят от единомыслящей среды: подобно тому, как правительственные выговоры были бесцельны по отношению к „оппозиционной“ профессуре, так точно и выговоры „оппозиционной“ профессуры не произведут никакого впечатления на „революционное“ студенчество. Остается — увольнение, в его различных степенях. Итак, профессорский суд будет органом увольнения студентов; благодарю покорно» [Зелинский, 1906. С. 137].

Впрочем, он же отмечал, что в Германии подобная судебная система вполне успешно работала, будучи интегрирована не только в университетскую практику, но и в традиции студенчества. Само следствие Зелинский считал делом инспекции, не подобающим профессорам: «вот почему <...> Петербургский университет воздержался от учреждения особого дисциплинарного суда из профессоров» [Там же. С. 136–137].

Вероятно, московские профессора были иного мнения. Статья Л. В. Головки и Н. В. Ильютченко, посвященная ПДС, к сожалению, не дает ответа на этот вопрос, хотя она представляет «профессорский» и «институциональный» взгляд на суд. Авторы описывают работу ПДС так, как она представлялась его создателям, и в той мере, как она отразилась в ежегодных судебных отчетах, но не касаются самой судебной практики [Головка, Ильютченко, 2004]. А. Е. Иванов считает причиной появления суда «назревание массового, окрашиваемого в политические тона студенческого движения» и подчеркивает, что ПДС не был единственным органом надзора за студентами [Иванов, 1999. С. 257].

История появления такого суда и его восприятие судьями-профессорами представляется мне важным элементом темы, но вряд ли его можно проанализировать, сделав выбор в пользу «студенчески ориентированной» исследовательской оптики.

Рубеж XIX и XX в. был ознаменован грандиозными по размаху студенческими забастовками. С. Кэссоу пишет, что в «1899 г. студенты удивили всех, включая самих себя, организовав по всей России стачку, они поколебали позиции тех скептиков, которые заявляли, что студенческие протесты и студенческая солидарность есть рудименты давно ушедших времен» [Kassow, 1989. P. 87]. Масштабы студенческого недовольства вдохновили ряд историков на то, чтобы пересмотреть даты начала первой русской революции.

В Московском университете в 1901 г. была учреждена комиссия из профессоров для выявления причин волнений. В их докладе от 16 мая 1901 г. назван целый список причин: «народно-психологические» свойства молодежи; недовольство Уставом 1884 г., результатом введения которого стали разрушение корпоративности и излишняя бюрократизация; необходимость реформирования университетской жизни. Среди предложений комиссии было и создание университетского суда², «составленного из избираемых Советом университета членов, частью из судебной корпорации и частью из профессоров»³. Возглавлявший комиссию Дмитрий Николаевич Зернов вскоре стал первым председателем вновь учрежденного ПДС⁴.

Временные правила о ПДС были введены 24 августа 1902 г.⁵, ряд вопросов обсуждался и в последующие годы (циркуляр 1903 г. за № 6389)⁶.

На основе правил 1902 г. был составлен «Процессуальный порядок Профессорского дисциплинарного суда при Московском университете». В этом документе указаны потенциальные подсудимые: «б. Дисциплинарному Суду подсудны лишь дела о студентах Московского университета, а не о сторонних слушателях»⁷. Вольным слушателям в судебном разбирательстве отказано. На практике производство ряда дел было прекращено из-за «выбытия студентов из университета» (например, «Дело дисциплинарного профессорского суда. О студенте 1 курса юридического ф-та Василие Пospelове»; «Дело дисциплинарного

² Комиссия Московского университета. Доклад 1910 г. о причинах студенческих волнений // Материалы по университетскому вопросу. Вып. 2. Stuttgart, 1904. С. 31.

³ Там же. С. 59.

⁴ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 500. Московский Императорский университет. Д. 27. Дело дисциплинарного профессорского суда Председателя. Л. 2.

⁵ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 500. Московский Императорский университет. Д. 31. Дело дисциплинарного профессорского суда. Необходимые для справок бумаги — при разборе дел (1902–1903 гг.). Л. 1–2, об.

⁶ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 500. Московский Императорский университет. Д. 27. Дело дисциплинарного профессорского суда Председателя. Л. 6–7.

⁷ Там же. Л. 15, об.

профессорского суда. О студентах медицинского ф-та 1 курса Надене Паневе и 5 курса Николае Градинарове»⁸ или из-за перевода в вольнослушатели за иной проступок («Дело дисциплинарного профессорского суда. Студента 2 курса юридического ф-та Леонида Херхеулидзе»)⁹.

Описана в «Процессуальном порядке» и практика делопроизводства. Пятеро судей (включая председателя) при рассмотрении дел принимали решение простым большинством голосов, занося приговор и причины его вынесения в книгу. С протоколом председатель знакомил ректора, а тот докладывал Совету университета. Совет мог вмешиваться в деятельность суда в случае, если была нарушена формальная процедура (тогда дело могло быть возвращено в суд), но не по существу дела.

Предварительную работу производил ректор, который собирал сведения о проступке, «письменные и иные доказательства, могущие осветить дело»¹⁰; он же занимался подбором свидетелей. Судьи или председатель суда просматривали полученные от ректора материалы, при необходимости возвращая их на дополнительную проработку.

Сам разбор дела проходил при закрытых дверях в присутствии обвиняемого. Свидетелей допрашивали по одному в том же заседании и в присутствии обвиняемого.

Скрупулезно прописаны и возможные основания для привлечения студентов к суду. Профессорскому дисциплинарному суду были подсудны четыре категории дел. Первая включала шесть видов проступков, совершенных в стенах университета: «1) действия, направленные к нарушению хода научно-учебных занятий в Университете, 2) неисполнение законных требований Университетского начальства, 3) оскорбление товарища в стенах Университета, 4) серьезные случаи нарушения порядка и приличия в Университете, 5) устройство в Университете неразрешенных собраний, участие в таковых и иных запрещенных корпоративных действиях и 6) совершение других проступков, если они неоднократно навлекли на виновного наказание, налагаемое Ректором»¹¹.

Во вторую категорию входили «столкновения между учащимися с одной стороны и преподавателями или должностными лицами учебного заведения с другой, хотя бы столкновения эти произошли вне зданий и учреждений учебного заведения, и лишь

---

⁸ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 500. Московский Императорский университет. Д. 17; ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 500. Московский Императорский университет. Д. 18.

⁹ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 500. Московский Императорский университет. Д. 26.

¹⁰ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 500. Московский Императорский университет. Д. 27. Дело дисциплинарного профессорского суда Председателя. Л. 22.

¹¹ Там же. Л. 22–22, об.

в тех случаях, когда обвиняемый является студентом Московского университета»¹² и ссоры студентов университета с преподавателями и служащими других высших учебных заведений.

Третья категория представляется самой таинственной: «в) такие проступки учащихся, которые хотя бы и не были предусмотрены общими законами, но имеют предосудительный, противный правилам, чести и нравственности характер»¹³. В архивных материалах, относящихся к практике ПДС, мне не удалось обнаружить примеры, которые бы подходили под это определение.

К четвертой категории относились дела, в которых наличествовали судебные постановления общей юрисдикции: «г) такие деяния студента, за которые он или подвергся уже взысканию по приговору Общего суда или мог бы быть привлечен к такой ответственности, но обвинение против него в судебном порядке не возбуждалось, причем в этих случаях Профессорский суд, по предложению Ректора, решает лишь вопрос о том, должен ли виновный студент быть подвергнут нравственному порицанию или даже увольнению из университета»¹⁴.

Впоследствии, в 1902, 1903 и 1907 гг.¹⁵, Совет университета выдал ПДС ряд дополнительных инструкций. Они в основном повторяли «Процессуальный порядок». Единственное новшество, появившееся в 1907 г., касалось процедуры оглашения приговора: отмечалось, что «Суд может, если найдет нужным, заменить устное объявление приговора извещением через повестки»¹⁶.

Судя по всему, прибегали к повесткам нечасто, и Совет закрепил уже сложившуюся в суде практику. Вероятно, использовать повестки было удобно в относительно «массовых» процессах, как в случае с делом «о неисполнении данного обещания». Давшие уже однажды письменные заверения, что они отказываются от участия в «противоправительственных действиях», что было условием возвращения в университет, шестеро студентов в октябре 1904 г. снова оказались участниками неразрешенного собрания. Один из них, студент 4-го курса естественного отделения Сергей Карпачев, получил замечание суда в письменном виде¹⁷.

¹² ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 500. Московский Императорский университет. Д. 27. Дело дисциплинарного профессорского суда Председателя. Л. 22–22, об.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 34–34, об.

¹⁵ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 500. Московский Императорский университет. Д. 111. Дело дисциплинарного профессорского суда. О деятельности дисциплинарного суда периода с февраля 1913 по сентябрь 1916 гг.

¹⁶ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 500. Московский Императорский университет. Д. 112. Дело дисциплинарного профессорского суда. Протоколы. Л. 5.

¹⁷ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 500. Московский Императорский университет. Д. 40. Дело дисциплинарного профессорского суда. О студентах филологи-

«Правила о взысканиях, налагаемых на студентов высших учебных заведений Министерства народного просвещения»¹⁸ были опубликованы вместе с «Временными правилами» о ПДС. В них также были разделены полномочия ректора и суда в наложении наказаний. Ректор имел право налагать на студентов: «1) замечание; 2) выговор; 3) временное запрещение посещать учебное заведение; 4) предложение подать прошение об увольнении из заведения»¹⁹. Замечаниями также мог «распоряжаться» и инспектор.

У ПДС возможности были куда шире: «1) замечание; 2) выговор; 3) лишение права участвовать в курсовых собраниях и быть избранным в курсовые старосты; 4) перевод на срок не сверх одного учебного полугодия из студентов в вольнослушатели с тем, что по истечении срока переведенный может при безукоризненном поведении быть обратно зачислен начальником заведения в студенты, с правом на зачет ему удовлетворительных учебных занятий в истекшее полугодие, но без восстановления указанных в пункте 3-м прав и без права на освобождение от платы за слушание лекций, а также на пособие или стипендию; 5) нравственное порицание сверх наказаний, указанных в п. 3-м или п. 4-м; 6) увольнение из учебного заведения до начала ближайшего или следующего года без воспреещения немедленного поступления на общем основании в другое учебное заведение или с воспреещением такого поступления ранее определенного срока; 7) удаление из данного учебного заведения без срока и с воспреещением поступления в другое учебное заведение до начала второго после текущего учебного года; 8) исключение из учебного заведения без права поступления и в другие высшие учебные заведения»²⁰.

Профессора-судьи позволяли себе оспаривать распоряжения Совета университета. «Профессорский суд, ведая исключительно академические проступки студентов, не может налагать на них наказаний, заведомо и обязательно влекущих за собой некоторое ограничение общегражданских прав, высылку или ссылку»²¹ — таково было мнение профессоров. Восемь участников совещания требовали изъятия из «Временных правил» о ПДС «исключения из учебного заведения без права

ческого ф-та 3 курса Лазареве Георгии, Щербакове Сергее, естественного отделения 4 курса Карпачеве Сергее, Фандееве Иване, юридического ф-та 3 курса Ветрове Михаиле, Субботине Льве — по обвинению их в неисполнении данного обещания. Л. 16.

¹⁸ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 500. Московский Императорский университет. Д. 31. Дело дисциплинарного профессорского суда. Необходимые для справок бумаги — при разборе дел (1902–1903 гг.). Л. 4–4 об.

¹⁹ Там же. Л. 4 об.

²⁰ Там же. Л. 4–4 об.

²¹ Там же. Л. 9.

Таблица 1. **Заседания
Профессорского дисциплинарного
суда в 1902–1914 гг.**

Год	Число заседаний
1902	2
1903	17
1904	11
1907–1908	14
1909/1910	7
1910/1911	10
1911/1912	5
1912/1913	3
1913/1914	3

поступления и в другие высшие учебные заведения» как взыскания недопустимого²². Доподлинно известно, что ни один из студентов не был приговорен ПДС к такому наказанию напрямую.

Постановление Совета университета от 28 декабря 1903 г. было воспринято судьями как неправомерное ограничение сферы их деятельности. Совет заявил тогда об «изъятии из компетенции Профессорского суда нарушений порядка, имеющих политический характер»²³. Авторы ответного доклада писали, что большое число студентов, увольняемых и исключаемых из университета за проступки, было одной из причин, вдохновивших членов комиссии 1899 г. на создание суда. Позднее «Инструкция Совета ПДС» все дела о нарушении университетской дисциплины передала ПДС, утвердив принцип «единства университетской юрисдикции»²⁴. Судя по архивным материалам, среди рассматриваемых ПДС дел нарушений порядка, имеющих политический характер, не было.

Обсуждения, выработка алгоритмов деятельности суда сопровождали «служебные» дела в начале его существования, со временем его работа упорядочилась.

²² ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 500. Московский Императорский университет. Д. 31. Дело дисциплинарного профессорского суда. Необходимые для справок бумаги — при разборе дел (1902–1903 гг.). Л. 10.

²³ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 500. Московский Императорский университет. Д. 36. Дело дисциплинарного профессорского суда. Переписка. Л. 123.

²⁴ Там же. Л. 124.

С годами судебные заседания стали собираться реже. С 1902 по 1914 г. с перерывами в несколько лет ПДС провел 72 заседания, на каждое судей созывали повестками (табл. 1). Пропускали заседания судьи по уважительным причинам, отправив заседателю записку вроде нижеприведенной.

Многоуважаемый Александр Никитич!

Я так слаб, что еле стою на ногах и едва справляюсь с лекциями. Не найдется ли возможность, ввиду этого, освободить меня от заседаний в Дисц. Суде в ближайшее время?

Всегда с истинным почтением и преданностью.

В. Цераский²⁵.

Все университетские уставы закрепляли одновременную ответственность студентов перед государственной и перед университетской властью. Согласно § 103 Университетского устава 1863 г. «вне зданий и учреждений Университета студенты подлежат полицейским установлениям на общем основании»²⁶. В статье 123 Общего устава Императорских российских университетов подчеркивается, что «подчинение надзору полиции не освобождает их от повиновения своему учебному начальству»²⁷. Многообразные «Правила...» для студентов и вольных слушателей XIX–XX вв. в этом вопросе вторили друг другу²⁸ и повторяли уставы.

В рассматриваемый период основным законодательным актом, регулирующим отношения власти и подданных, было «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. с изменениями, внесенными в 1866 и 1882 гг.²⁹ Уложение было закончено только к 1895 г., а введено в 1914 г., но в «процессе борьбы с ре-

**Правовое поле
российского
студенчества
в конце XIX –
начале XX в.**

²⁵ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 500. Московский Императорский университет. Д. 82. Дело дисциплинарного профессорского суда. Повестки членам Суда. Л. 12.

²⁶ Общий устав Императорских российских университетов. ПСЗРИ. Собр. второе. Т. XLI–I. № 39752. СПб., 1866. С. 633.

²⁷ Общий устав Императорских российских университетов. ПСЗРИ. Собр. третье. Т. IV. № 2404. СПб., 1887. С. 471.

²⁸ Правила для студентов и сторонних слушателей Императорских российских университетов. СПб., 1885; Правила для студентов и сторонних слушателей Императорских российских университетов. М., 1889; Правила Императорского Московского университета // Журнал министерства народного просвещения. 1864. Май. С. 17–26; Правила Императорского Московского университета. М., 1873; Правила Императорского Московского университета. М., 1875.

²⁹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. С дополнениями по 1 декабря 1881 г. // Н. С. Таганцев (сост.) Свод законов. Т. XV. Ч. 1. СПб., 1882; Уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб., 1903.

волюционным движением царское правительство вводило в действие его отдельные главы и статьи, предусматривающие суровую уголовную репрессию» [Титкова, 1983. С. 85–86].

Еще в процессе обучения будущим полицейским внушали отношение к университетам как «центрам и рассадникам высшего общего образования»³⁰. Полицейские должны были обращать на студентов особое внимание, что закреплено в секретных предписаниях. Например, в 1897 г. в «Инструкции для полицейских надзирателей» Д. Ф. Трепова особо выделялись те районы Москвы, где сосредоточивались ученики средних и высших учебных заведений. Полицейский надзиратель обязан был знать всех держателей меблированных комнат, держать под контролем гостиницы, кухмистерские, портерные, следить за порядком на разрешенных концертах, лекциях и вечерах.

В «Правилах для студентов...» 1902 г. записано, что при совершении студентами уголовного преступления «по исключении виновных из университета дисциплинарным судом, ректор препровождает копию приговора к подлежащему общему судебному установлению для дальнейшего направления дела по закону»³¹. С другой стороны, ПДС мог подвергать дополнительному взысканию тех студентов, которые уже имели общий судебный приговор.

В одной из инструкций Совет университета установил, что ПДС не имеет права обсуждать решения иных судебных инстанций, но может назначить дополнительное наказание. К примеру, было прекращено рассмотрение одного из дел на основании того, что «следствие окончено <...> по недостаточности улик <...> Суд не пересматривает дел по существу, постановил: дело производством прекратить»³².

Студенческие жалобы на досудебные действия были многочисленными. К примеру, Владимир Попов, обвиняемый в том, что «будучи в легкой степени опьянения, пристал к проходившим тротуаром: мещанину Алексею Казанскому и мещанину Павлу Соколову, толкнул Казанского и затем схватил за руки, чем нарушил тишину»³³, так писал инспектору о происшествии: «Я был в легкой степени опьянения и, обладая вследствие этого нетвердой походкой, мог только нечаянно толкнуть Казанского, без

³⁰ Дерюжинский В. О. Полицейское право. Пособие для студентов. Издание третье. СПб., 1911. С. 406.

³¹ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 500. Московский Императорский университет. Д. 36. Дело дисциплинарного профессорского суда. Переписка. Л. 35, об.

³² Там же. Л. 252–252 об.

³³ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 500. Московский Императорский университет. Д. 1. Дело дисциплинарного профессорского суда. О студенте Владимире Попове. Л. 2.

всякого злого умысла, что вполне и подтвердилось на суде свидетельскими показаниями. Никакой общественной тишины и порядка я не мог нарушить, с чем согласился и мировой судья, так что этот протокол был составлен на меня не совсем состоятельно»³⁴. Суд, приняв во внимание и раскаяние Попова, освободил его от дополнительной ответственности.

Обвиняемые в нарушении порядка при схожих обстоятельствах студенты Александр Азеев, Михаил Ливанский, Осип Лихачев, Николай Соколов и Константин Колосов составили инспектору коллективное заявление, указав «полнейшее искажение фактов, имевшее место в ночь с 19 на 20 октября сего 1902 г.»³⁵.

Если верить студенту Михаилу Ливанскому, обвинявшемуся в том, что он разбил вывеску магазина и приставал к женщинам, то репутация у московского студенчества в глазах полиции была прескверная. «Меня забрали в участок и указали на меня только потому, что из всей компании, шедшей с нами, я был один студент и надо же было кого-нибудь брать за разбитое стекло почти на глазах у полиции»³⁶.

Обычно в своих решениях ПДС не комментировал студенческие жалобы на несправедливость следствия, но были и исключения. Живое участие судьи приняли в судьбе студента юридического факультета Михаила Гейнцельмана. Описывая историю покупки пальто, он поведал о вмешательстве полиции не в его пользу, обвинениях со стороны надзирателя (величали студента в участке, по его словам, и «дрянью», и «паршивым студентишкой»), о протоколе, в котором потерпевшего превратили в пьяного нарушителя тишины. «Суд тремя голосами против двух постановил: препроводить В.И. копию с показания Гейнцельмана с тем, чтобы если Вы найдете этого возможным, направить эту копию Г. Московскому градоначальнику»³⁷. Ректор с судьями согласился, отправил материалы московскому градоначальнику, который прислал заключение с уверениями, что насилие к студенту не применялось.

В массе своей студенты оказывались нарушителями главы «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» — совер-

³⁴ Там же. Л. 5.

³⁵ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 500. Московский Императорский университет. Д. 12. Дело дисциплинарного профессорского суда. О студентах 2 курса юридического ф-та Андрее Смолдавском и 2 курса медицинского факультета Александре Губерте. Л. 3.

³⁶ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 500. Московский Императорский университет. Д. 20. Дело дисциплинарного профессорского суда. О студенте 5 курса медицинского факультета Михаиле Ливанском. Л. 4.

³⁷ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 500. Московский Императорский университет. Д. 63. Дело дисциплинарного профессорского суда. О студенте юридического факультета Михаиле Гейнцельмане. Л. 9.

шали «поступки против благочиния, порядка и спокойствия»³⁸. Студентам мировые суды начала XX в. выносили заключения по статье 31 (за оскорбление полицейских или других стражей, служителей судебных и правительственных мест, а равно полевых и лесных сторожей, во время отправления ими должностей), статье 38 (за ссоры, драки, кулачный бой или другого рода буйство в публичных местах, и вообще за нарушение общественной тишины), статье 39 (за нарушение порядка в публичных собраниях или во время общественных увеселений, театральных представлений и т. п.), статье 42 (за появление в публичном месте пьяным до беспамьятства или в безобразном от опьянения виде) и статье 43 (за бесстыдные или соединенные с соблазном для других действия в публичном месте).

«Правила для студентов» внушали им, что в годы учебы они должны будут повиноваться общему законодательству (и полиции как непосредственному органу контроля) и университетским предписаниям (и университетскому начальству). Эта идея единого начальства обрела к концу XIX в. свою формулу: «подчинение студентов надзору общей полиции не избавляет их от повиновения университетскому начальству и вне зданий университета»³⁹.

Я остановлюсь на тех правилах, которые имеют отношение к практике ПДС. Он рассматривал дела о несанкционированных студенческих сходках и разрешенных собраниях, о нарушении процедуры входа в университет и поведении на занятиях.

В Правилах «от студентов требуется соблюдение приличия и вежливости. Выражение одобрения или неодобрения преподавания ни под каким предлогом и ни в каком виде не допускаются»⁴⁰. Вплоть до конца XIX в. студенческие собрания и обсуждения не разрешались⁴¹. В редакции «Правил для студентов...» начала XX в. были в некоторой степени пересмотрены параграфы, посвященные свободе собраний и ассоциаций.

По инициативе ректора в 1899 г. открылись «студенческие научные собеседования», после этого попечитель потребовал, чтобы Совет университета «дал означенным собеседованиям форму узаконенного студенческого учреждения»⁴², что отразилось в но-

³⁸ Таганцев Н.С. (изд.) Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. С дополнением по продолжению 1895 г., с приложением мотивов и извлечений из решений кассационных департаментов Сената. СПб., 1897.

³⁹ Правила Императорского Московского университета. М., 1873. С. 46.

⁴⁰ Правила для студентов и сторонних слушателей Императорских российских университетов. СПб., 1885. С. 12.

⁴¹ Там же. С. 12–14.

⁴² ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 500. Московский Императорский университет. Д. 36. Дело дисциплинарного профессорского суда. Переписка. Л. 16.

вых правилах, и с 1902 г. в университете были разрешены студенческие общества по литературе и науке под руководством профессоров или преподавателей⁴³.

Но по «Правилам для студентов» 1902 г. вне закона оставались любые коллективные действия учащихся в масштабах всего университета, запрещались студенческие объединения не под контролем профессоров. Новшеством стали курсовые собрания, согласованные с ректором или комиссией кураторов. На собраниях те или иные вопросы решались простым большинством голосов, в случае отсутствия согласия в среде студентов ответ на поставленный вопрос давала комиссия куратора.

Появление нового института дисциплинаризации в университетской системе было закреплено и в «Правилах для студентов» от 23 ноября 1902 г.

Оговаривалась обязательность посещения тех судебных заседаний, куда студентов вызывали для разбирательства, а отсутствие студента без уважительной причины могло стать поводом для дополнительного взыскания, что и произошло, например, в 1904 г. с двумя нетерпеливыми подсудимыми: «Студенты Лазарев и Субботин явились к заседанию Суда, но, прождав полчаса, заявили, что дольше им ждать некогда, и ушли»⁴⁴. Расценив отсутствие студентов на разбирательстве как еще один недопустимый поступок, отягощающий их вину по существу рассматриваемого дела, суд уволил студентов до конца текущего учебного года⁴⁵.

В конце XIX в. в отношении студенчества с правосудием участвовал еще один институт. Названный Союзом, он ставил своей целью «выработку из студентов будущих общественных деятелей», «главное внимание его должно быть устремлено на массу студенчества и членов союза, среди которых суд Союза обязан по возможности предупреждать и искоренять всякого рода безнравственные явления, особенно свидетельствующие о дурном отношении студентов к обязанностям <...> общественно-студенческого характера»⁴⁶.

Заявляя о себе как о суде нравственном, суде совести, Союз предполагал применять к осужденным за особенно тяжкие проступки даже удаление из университета. К сожалению, на данный

⁴³ Там же. Л. 34–34, об.

⁴⁴ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 500. Московский Императорский университет. Д. 45. Дело дисциплинарного профессорского суда. Переписка. Протоколы заседаний П.Д.с. в Императорском Московском университете (1903–1904 гг.). Л. 23.

⁴⁵ Там же. Л. 25.

⁴⁶ Отчет судебной комиссии за 1893/1894 г. // Из записок профессора Н. П. Боголепова. Страница из жизни Московского университета. М., 1911. С. 109.

момент поиск источников для комплексного анализа этого явления не дал желаемых результатов. В материалах, приложенных в качестве дополнений к мемуарам профессора Н. П. Боголепова⁴⁷, есть сводные данные о деятельности этого института за 1893–1894 гг. Авторы отчета констатировали распространенность среди товарищей таких пороков, как пьянство, кражи, осуждали насилие над женщинами, шпионство, писали о необходимости товарищеского контроля.

Косвенные упоминания и прямые ссылки на Союз содержатся и в материалах ПДС. Видимо, за десятилетие, прошедшее с публикации отчета, принципы устройства Союза претерпели изменения.

Например, в 1909 г. в ходе перепалки между студентами один из ее участников решил обратиться к товарищескому суду чести. Сначала прошение в ПДС подал студент математического отделения Олег Шпикитер. Одолжив деньги студенту-юристу Ивану Овсянникову, он затем потребовал их обратно, а не получив, пригрозил должнику вывесить в университете объявление о его нечистоплотности. Овсянников, предложив вначале «помириться», обрисовал Шпикитеру ряд вариантов: «1) привлеку вас к судебной ответственности, или 2) к дисциплинарному суду, или 3) побью в у-те или на улице физиономию»⁴⁸. Шпикитер, видимо, не веря в эффективность правосудия ПДС, попросил письменно уведомить его о судьбе заявления на обидчика, «дабы иметь возможность привлечь его к суду чести»⁴⁹. Неизвестно, остался ли Шпикитер удовлетворен приговором суда (Овсянникову было сделано замечание) или обратился и к товарищескому правосудию.

Следующая история имела место год спустя. Дядя потерпевшего писал: «У оскорбленного — студ. Чейшвили — не хватило мужества самому лично возбудить дело в дисциплин. суде, так как последний, как Вам несомненно известно, непопулярен в среде студенчества и обращающийся к нему прямо, тот рискует бойкотом товарищей»⁵⁰. К своему заявлению Чиджаваадзе, дядя Чейшвили, добавил, что студент Квинташвили не соглашался

⁴⁷ Из записок профессора Н. П. Боголепова. Страница из жизни Московского университета. М., 1911.

⁴⁸ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 500. Московский Императорский университет. Д. 73. Дело дисциплинарного суда. Об оскорблении (словами) студента Олега Шпикитера студентом Иваном Овсянниковым. Л. 3, об.

⁴⁹ Там же. Л. 1.

⁵⁰ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 500. Московский Императорский университет. Д. 83. Дело дисциплинарного профессорского суда. О насильственных действиях студента историко-филологического факультета Александра Квинташвили по отношению к студенту медицинского факультета Николаю Чейшвили. Л. 1–1, об.

на третейский суд. Рассматривал дело «третейский суд в составе студентов Григория Джапаридзе и Григория Цхакая и бывшего редактора журнала «Возрождение» В. Месхи в качестве председателя»⁵¹. Ими было вынесено следующее решение. Оскорбление действием было осуждено «как позорящее стены высокой *almae matris*, честь и достоинство которой должны охранять все студенты без исключения»⁵², но было также отмечено, что Чейшвили спровоцировал это действие «неуместным резким выражением» в адрес Квинташвили, и указано, что решение будет помещено в органы печати и прочитано в заседании грузинского землячества.

В решении третейского суда записано: «Настоящая копия с подлинной резолюции выдана для представления в Профессорский дисциплинарный суд при Императорском Московском университете»⁵³. В решении ПДС по данному делу эта резолюция не упоминалась вовсе. Таким образом, неизвестно, был ли этот факт попыткой установить официальные отношения между двумя судебными инстанциями в рамках одного университета. За исключением этого дела к таким аргументам в свою пользу не обращался ни один из обвиняемых.

Идея Профессорского дисциплинарного суда, казавшаяся профессорам Московского Императорского университета залогом спасения университетской жизни от студенческих волнений, профессорами Петербургского Императорского университета была воспринята как узаконенное массовое отчисление неугодных учащихся и была отвергнута как недостойная.

С началом нового века студенты Московского Императорского университета оказались включены в две судебные системы — единую для всех подданных империи и организованную специально для университетских нужд. Контроль за поведением студентов в университете и вне его пределов этим не ограничился. Дополнительными контролирующими инстанциями оставались и ректор, и инспектор студентов со штатом помощников. Судя по обрывочным на данный момент сведениям, официальными институтами разного ранга и происхождения контроль за жизнью студентов не исчерпывался. Дополнительным элементом надзора выступали союзы, третейские суды, суды чести и прочие учреждения, не имевшие официального статуса, но пользовавшиеся авторитетом в глазах студентов, призванные судить своих товарищей на основе не официально установленных норм, а неписаных правил и представлений о должном.

⁵¹ Там же. Л. 8.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

Литература

1. Анненков А. М. Российское студенчество первой трети XIX в. в воспоминаниях современников // Культура исторической памяти. Петрозаводск, 2002. С. 106–113.
2. Багдасарян В. Э. Мотивы девиантного поведения студенчества в конце XIX — начале XX в. // Российское студенчество: условия жизни и быта (XVIII–XXI вв). М., 2004. С. 82–95.
3. Булдашов В. Я. «Искра» и революционное студенчество // И. В. Кузнецов (ред.) Советская журналистика. История. Традиции. Опыт. Вып. 1. М., 1981. С. 46–53.
4. Вахтерова О. А. Студенты и власть в России во второй половине XIX — начале XX в. // Власть и общество. Межвузовский сб. науч. трудов. СПб., 2000. С. 59–62.
5. Веселая Г. А. Студенческие волнения в Московском университете осенью 1901 г. // В. Г. Вержбицкий (ред.) Материалы по истории освободительного движения в России в период капитализма. М., 1974. С. 133–147.
6. Вишленкова Е., Галиуллина Р., Ильина К. Русские профессора. Университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М., 2012.
7. Выдрин Р. Основные моменты студенческого движения в России. М., 1908.
8. Георгиева Н. Г. В. И. Ленин о месте студенчества в буржуазно-демократической революции // К. В. Гусев (ред.) Интеллигенция и революция. XX в. М., 1985. С. 87–96.
9. Георгиевский А. Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков. СПб., 1890.
10. Гессен С. Студенческое движение в начале шестидесятых годов. М., 1932.
11. Головкин Л. В., Ильюченко Н. В. Профессорский дисциплинарный суд при Императорском Московском университете // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2004. № 6. С. 94–110.
12. Гришунин П. В. Студенчество столичных университетов: структуры повседневной жизни. 1820–1880-е годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005.
13. Гусев А. О. Студенческие волнения в России и славянский вопрос. СПб., 1901.
14. Дмитриев А. По ту сторону «университетского вопроса»: правительственная политика и социальная жизнь российской высшей школы (1900–1917 гг.) // Университет и город в России (начало XX в.). М., 2009. С. 105–204.
15. Еленев Ф. Студенческие беспорядки. СПб., 1888.
16. Ельяшевич В. Б. Из воспоминаний старого московского студента (1892–1896 гг.) // Памяти русского студенчества. Париж, 1934. С. 106–115.
17. Завадский Н. Г. Студенчество и политические партии в 1901–1914 гг. СПб., 1998.
18. Зелинский О. Университетский вопрос в 1906 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1906. № 8. С. 111–159.
19. Зимин И. В. Студенческая форма и нагрудные знаки в России XIX — начала XX в. // Факты и версии. Историко-культурный альманах. Книга IV. Методология. Символика. Семантика. СПб., 2005. С. 107–121.
20. Иванов А. Е. Высшая школа в России в конце XIX — начале XX в.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1992.
21. Иванов А. Е. Студенты университетов России накануне первой российской революции. Социально-политический облик // Революцион-

- ное движение демократической интеллигенции России в период империализма: сб. науч. тр. М., 1984. С. 111–130.
22. Иванов А. Е. Студенческая корпорация России конца XIX — начала XX в.: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004.
  23. Иванов А. Е. Студенчество в России конца XIX — начала XX века. Социально-историческая судьба. М., 1999.
  24. Иванов А. Е. Университетская политика самодержавия накануне первой русской революции 1899–1904 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975.
  25. Изгоев А. С. Об интеллигентной молодежи (Заметки о ее быте и настроениях) // Вехи: сб. ст. о русской интеллигенции. М.: Грифон, 2007. С. 139–168.
  26. Кинелев В. Г. (ред.) Высшее образование в России. Очерк истории до 1917 г. М., 1995.
  27. Корсаковский А. А. По поводу беспорядков в наших высших учебных заведениях. Речь, сказанная свящ. А. А. Корсаковским в торжественном собрании членов Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви. 30 января 1897 г. Киев, 1897.
  28. Курбский В. Очерки студенческой жизни (из дневника бывшего студента). М., 1912.
  29. Кэссоу С. Д. Университетский устав 1863 г.: новая точка зрения // Л. Г. Захарова, Б. Эклоф, Дж. Бушнелл (ред.) Великие реформы в России. 1856–1874. М., 1992. С. 317–334.
  30. Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971.
  31. Линд В. Воспоминания о моей жизни. Московский университет // П. А. Зайончковский (ред.) Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1956. С. 246–262.
  32. Лютецкий А. Открытое письмо к учащейся молодежи. М., 1899.
  33. Марголис Ю. Д. Студенческие переписки в России 1872–1912 гг. // Средневековая и новая Россия: сб. науч. ст. СПб., 1996. С. 656–670.
  34. Мельгунов С. Из истории студенческих обществ в русских университетах. М., 1904.
  35. Мельгунов С. Студенческие организации 80–90 годов в Московском университете (по архивным данным). М., 1908.
  36. Муравьев А. И. Труды В. И. Ленина — источник изучения истории революционного движения молодежи // Проблемы историографии и историковедения истории КПСС. Вып. 1. Л., 1971. С. 121–137.
  37. Орлов В. И. Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М., 1934.
  38. Петров Ф. А. Либеральная профессура Московского Университета в годы второго демократического подъема // Вестник Московского университета. Сер. IX. История. 1975. № 1. С. 68–82.
  39. Пискунов А. И. (ред.) Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. М., 1976.
  40. Поссе В. А. Разгром политики сердечного попечения. Женева, 1902.
  41. Радциг С. И. Страницы из воспоминаний // Ю. Н. Емельянов (сост.) Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М., 1989. С. 597–599.
  42. Рачковская Ю. К. Студенчество Петербурга и Москвы в освещении авторов либерального направления (конец XIX — начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999.

43. Раде И. (изд.) Избиение русской молодежи. Документальные подробности последних студенческих беспорядков в Петербурге, Москве и Киеве. С вступительным письмом П. Карповича. Берлин, 1902.
44. Сабашников М. В. Воспоминания // Ю. Н. Емельянов (сост.) Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М., 1989. С. 575–583.
45. Салтыков А. Московский Университет в 1890–1895 гг. // Памяти русского студенчества. Париж, 1934. С. 95–106.
46. Сватиков С. Студенчество прежде и теперь // Путь студенчества: сб. ст. М., 1916. С. 1–19.
47. Симонов В. Н. Воспитанники Московского Университета — активные участники политического движения в конце XIX — начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995.
48. Слиозберг Г. Б. Дореволюционное русское студенчество // Памяти русского студенчества. Париж, 1934. С. 82–95.
49. Спешков С. Д. Записка, составленная по поручению министра народного просвещения членом совета тайных советников Спешковым о различных организациях среди учащихся и учащих в различных учебных заведениях. СПб., 1908.
50. Титкова С. С. Разработка Уголовного уложения и применение его в борьбе с революционным движением // Правовые проблемы истории государственных учреждений: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1983. С. 81–87.
51. Титов А. А. Студенческие беспорядки в Московском университете в 1861 г. (из бумаг О. М. Бодянского). М., 1905.
52. Тихомиров М. Н. (ред.) История Московского университета. Т. I. М., 1955.
53. Феофанов А. М. Студенчество Московского университета второй половины XVIII — первой четверти XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.
54. Фроммет Б. Очерк по истории студенчества в России. СПб., 1912.
55. Худяков Н. И. Записки каракозовца. Московский университет (1859–1860) // Ю. Н. Емельянов (сост.) Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М., 1989. С. 436–447.
56. Щербакова Е. И. Этика революционного действия (60-е годы XIX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.
57. Щетинина Г. И. Из истории студенческого движения конца 70-х — начала 80-х годов // Исторические записки. 1980. Т. 105. С. 310–327.
58. Щетинина Г. И. Студенчество и революционное движение России. Последняя четверть XIX в.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1988.
59. Kassow S. D. (1989) *Students, Professors and State in the Tsarist Russia*. Berkeley: University of California.
60. Morrisey S. (1998) *Heralds of Revolution. Russian Students and the Mythologies of Radicalism*. Oxford: Gardners Books.

Students of Imperial Moscow University in the Legal Framework of the Russian Empire: Surveillance from Three Angles

Marina Fadeeva

Author

Master of History, Postgraduate Student, School of History, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya str., 101000 Moscow, Russian Federation. E-mail: marina.fadeeva.o@gmail.com

Abstract

An inquiry into the history of creation of the Moscow University Professors' Disciplinary Court in 1902 and into its activities allows for rethinking the status of the student community in Russian society of that time. Students had to obey the body of laws common for all Russian subjects as well as university charters and regulations, and they were also under intensive police surveillance. Analyzing the legal framework of students, reconstructing the adjudication mechanism of the Professors' Disciplinary Court as well as specific cases based on archival materials, we can see how students were affected when the government adopted a discipline monitoring policy. University students brought before the Professors' Disciplinary Court were charged with breaking administrative rules (most often rioting and being drunk in the street) and the university code (from passing on an ID badge to a third party to forging a professor's signature).

history of higher education, 20th-century history of Russia, Alltagsgeschichte, Professors' Disciplinary Court, student movement.

Keywords

Annenkov A. (2002) Rossiyskoe studenchestvo pervoy treti XIX v. v vospominaniyakh sovremennikov. [Russian Students of the First Third of the 19th Century in Memoirs of Contemporaries]. *Kultura istoricheskoy pamyati* [The Culture of Collective Memory], Petrozavodsk, pp. 106–113.

References

Bagdasaryan V. (2004) Motivy deviantnogo povedeniya studenchestva v kontse XIX—nachale XX v. [The Causes of Deviant Behavior in Students of the Late 19th—Early 20th Centuries]. *Rossiyskoe studenchestvo: usloviya zhizni i byta (XVIII—XXI vv.)* [Russian Student Community: Conditions of Everyday Life (18–19 Centuries)], Moscow, pp. 82–95.

Buldashov V. (1981) "Iskra" i revolyutsionnoe studenchestvo [*Iskra* and Revolutionary Students]. *Sovetskaya zhurnalistika. Istoriya. Traditsii. Opyt*, iss. 1, pp. 46–53.

Dmitriev A. (2009) Po tu storonu "universitetskogo voprosa": pravitelstvennaya politika i sotsialnaya zhizn rossiyskoy vysshey shkoly (1900–1917 gg.) [On the Other Side of the "University Issue": Governmental Policies and Social Life of Russian Universities (1900–1917)]. *Universitet i gorod v Rossii (nachalo XX v.)* [Universities and Cities in Russia (Beginning of the 20th Century)], Moscow, pp. 105–204.

Elenev F. (1888) *Studencheskie besporyadki* [Student Unrests]. St. Petersburg.

Elyashevich V. (1934) Iz vospominaniy starogo moskovskogo studenta (1892–1896 gg.) [From the Memories of an Old Moscow Student (1892–1896)]. *Pamyati russkogo studenchestva* [In Memory of Russian Students], Paris, pp. 106–115.

Feofanov A. (2006) *Studenchestvo Moskovskogo universiteta vtoroy poloviny XVIII—pervoy chetverti XIX v.* [Moscow University Students in the Second Half of the 18th—First Quarter of the 19th Centuries] (PhD Thesis). Moscow: Lomonosov Moscow State University.

- Frommet B. (1912) *Ocherk po istorii studenchestva v Rossii* [An Epitome of the History of Student Life in Russia]. St. Petersburg.
- Georgieva N. (1985) V. I. Lenin o meste studenchestva v burzhuazno-demokraticheskoy revolyutsii [Vladimir Lenin on the Role of Students in the Bourgeois-Democratic Revolution]. *Intelligentsiya i revolyutsiya. XX v.* [Intelligentsia and the Revolution. 20th Century] (ed. K. Gusev), Moscow, pp. 87–96.
- Georgievsky A. (1890) *Kratkiy istoricheskiy ocherk pravitelstvennykh mer i prednachertaniy protiv studencheskikh besporyadkov* [A Short Historical Overview of Government Measures and Precepts Against Student Unrests], St. Petersburg.
- Gessen S. (1932) *Studencheskoe dvizhenie v nachale shestidesyatykh godov* [Student Movement of the Early 1960s]. Moscow.
- Golovko L., Ilyutchenko N. (2004) Professorskiy distsiplinarny sud pri Imperatorskom Moskovskom universitete [Professors' Disciplinary Court under the Moscow Imperial University]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11. Pravo*, no 6, pp. 94–110.
- Grishunin P. (2005) *Studenchestvo stolichnykh universitetov: struktury povsednevnoy zhizni. 1820–1880-e gody*. [Students of Metropolitan Universities: Everyday Life Patterns. 1820–1880] (PhD Thesis). St. Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics and Finance.
- Gusev A. (1901) *Studencheskie volneniya v Rossii i slavyanskiy vopros* [Student Unrests in Russia and the Slavic Issue]. St. Petersburg.
- Ivanov A. (1975) *Universitetskaya politika samodержaviya nakanune pervoy russkoy revolyutsii 1899–1904 gg.* [Autocratic University Policies on the Eve of the Russian Revolution of 1899–1904] (PhD Thesis). Moscow: Institute of the History of the USSR.
- Ivanov A. (1984) *Studenty universitetov Rossii nakanune pervoy rossiyskoy revolyutsii. Sotsialno-politicheskiy oblik* [Students of Russian Universities on the Eve of the Russian Revolution of 1905. Socio Political Image]. *Revolutsionnoe dvizhenie demokraticheskoy intelligentsii Rossii v period imperalizma: sb. nauch. tr.* [The Revolutionary Movement of Democratic Intelligentsia in Russia in the Era of Imperialism. Collection of Research Papers], Moscow, pp. 111–130.
- Ivanov A. (1992) *Vysshaya shkola v Rossii v kontse XIX—nachale XX v.* [Higher Education in Russia of the Late 19th—Early 20th Centuries] (PhD Thesis). Moscow: Institute of the History of the USSR.
- Ivanov A. (1999) *Studenchestvo v Rossii kontsa XIX—nachala XX veka. Sotsialno-istoricheskaya sudba* [Students in Russia of the Late 19th—Early 20th Centuries. Social and Historical Fate and Fortune]. Moscow.
- Ivanov A. (2004) *Studencheskaya korporatsiya Rossii kontsa XIX—nachala XX v.: opyt kulturnoy i politicheskoy samoorganizatsii* [Student Corporation in Russia of the Late 19th—Early 20th Centuries: Experience of Cultural and Political Self-Organization]. Moscow.
- Izgoev A. (2007) *Ob intelligentnoy molodezhi (Zametki o yeye byte i nastroyeni-yakh)* [On Youth Intelligentsia (Notes on Its Everyday Life and Attitudes)]. *Vekhi: sb. st. o russkoy intelligentsii* [Milestones. Collection of Articles on Russian Intelligentsia], Moscow: Grifon, pp. 139–168.
- Kassow S. D. (1989) *Students, Professors and State in the Tsarist Russia*. Berkeley: University of California.
- Kassow S. D. (1992) *Universitetskiy ustav 1863 g.: novaya tochka zreniya* [The University Statute of 1863: A Reconsideration]. *Velikie reformy v Rossii. 1856–1874* [Russia's Great Reforms, 1856–1874] (eds L. Zakharova, B. Eklof, J. Bushnell), Moscow, pp. 317–334.

- Khudyakov N. (1989) *Zapiski karakozovtza. Moskovskiy universitet (1859–1860)* [Diary of a Karakozovite. Moscow University (1859–1860)]. *Moskovskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov (1755–1917)* [Moscow University in Memoirs of Contemporaries (1755–1917)] (ed. Emelyanov), Moscow, pp. 436–447.
- Kinelev V. (ed.) (1995) *Vysshee obrazovanie v Rossii. Ocherk istorii do 1917 g.* [Higher Education in Russia. An Epitome of History before 1917]. Moscow.
- Korsakovskiy A. (1897) *Po povodu besporyadkov v nashikh vysshikh uchebnykh zavedeniyakh. Rech, skazannaya svyashch. A. A. Korsakovskim v torzhestvennom sobranii chlenov Obshchestva rasprostraneniya religiozno-nravstvennogo prosveshcheniya v dukhe pravoslavnoy tserkvi. 30 yanvarya 1897 g.* [Concerning the Riots in Our Higher Education Institutions. The Speech by Priest A. A. Korsakovskiy at the Solemn Assembly of the Community for Spread of Religious and Moral Enlightenment in Keeping with the Orthodox Church's Philosophy. January 30, 1897]. Kiev.
- Kurbitskiy V. (1912) *Ocherki studencheskoy zhizni (iz dnevnika byvshego studenta)* [Epitomes of Student Life (from an Ex-Student's Diary)]. Moscow.
- Leykina-Svirskaya V. (1971) *Intelligentsiya v Rossii vo vtoroy polovine XIX v.* [Russian Intelligentsia of the Second Half of the 19th Century]. Moscow.
- Lind V. (1956) *Vospominaniya o moyey zhizni. Moskovskiy universitet* [Memories of My Life. Moscow University]. *Moskovskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Moscow University in Memoirs of Contemporaries] (ed. P. Zayonchkovskiy), Moscow, pp. 246–262.
- Lytetskiy A. (1899) *Otkrytoe pismo k uchashcheymsya molodezhi* [An Open Letter to Young Students]. Moscow.
- Margolis Y. (1996) *Studencheskie perepisi v Rossii 1872–1912 gg.* [Student Censuses of 1872–1912 in Russia]. *Srednevekovaya i novaya Rossiya: sb. nauch. st.* [Medieval and New Russia. Collection of Research Papers], St. Petersburg, pp. 656–670.
- Melgunov S. (1904) *Iz istorii studencheskikh obshchestv v russkikh universitetakh* [From the History of Student Communities in Russian Universities]. Moscow.
- Melgunov S. (1908) *Studencheskie organizatsii 80–90 godov v Moskovskom universitete (po arkhivnym dannym)* [Student Organizations of the 1880s-1890s in Moscow University (Evidence from Archives)]. Moscow.
- Morrisey S. (1998) *Heralds of Revolution. Russian Students and the Mythologies of Radicalism*. Oxford: Gardners Books.
- Muravyev A. (1971) *Trudy V. I. Lenina—istochnik izucheniya istorii revolyutsionnogo dvizheniya molodezhi* [Vladimir Lenin's Works as a Source for Studying the History of the Revolutionary Youth Movement]. *Problemy istoriografii i istochnikovedeniya istorii KPSS* [Problems of Historiography and Source Studies in the History of the Communist Party of the Soviet Union], Leningrad, iss. 1, pp. 121–137.
- Orlov V. (1934) *Studencheskoe dvizhenie Moskovskogo universiteta v XIX stoletii* [The 19th-Century Student Movement in Moscow University]. Moscow.
- Petrov F. (1975) *Liberalnaya professura Moskovskogo Universiteta v gody vtorogo demokraticeskogo pod'yema* [Liberal Professors of Moscow University in the Years of the Second Democratic Upturn]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. IX. Istoriya*, no 1, pp. 68–82.
- Piskunov A. (ed.) (1976) *Ocherki istorii shkoly i pedagogicheskoy mysli narodov SSSR. Vtoraya polovina XIX v.* [Epitomes of the History of School and Pedagogical Thought of the Soviet Peoples: Second Half of the 19th Century]. Moscow.
- Posse V. (1902) *Razgrom politiki serdechnogo popecheniya* [The Collapse of the "Heartful Care" Policy]. Geneva.

- Rachkovskaya Y. (1999) *Studenchestvo Peterburga i Moskvy v osveshchenii avtorov liberalnogo napravleniya (konets XIX—nachalo XX v.)* [Saint Petersburg and Moscow Students in the Works of Liberal Authors (Late 19th—Early 20th Centuries)] (PhD Thesis). St. Petersburg: Saint Petersburg Institute of Economics and Trade.
- Radtsig S. (1989) Stranitsy iz vospominaniy [Pages from Memories]. *Moskovskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov (1755–1917)* [Moscow University in Memoirs of Contemporaries (1755–1917)] (ed. Y. Emelyanov), Moscow, pp. 597–599.
- Rede I. (ed.) (1902) *Izbienie russkoy molodezhi. Dokumentalnye podrobnosti poslednikh studencheskikh besporyadkov v Peterburge, Moskve i Kieve. S vstupitelnyim pismom P. Karpovicha* [Beating of Russian Youth. Documentary Details of the Last Student Riots in Petersburg, Moscow and Kiev. With an Introduction Letter by Petr Karpovich]. Berlin.
- Sabashnikov M. (1989) Vospominaniya [Memories]. *Moskovskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov (1755–1917)* [Moscow University in Memoirs of Contemporaries (1755–1917)], (ed. Y. Emelyanov), Moscow, pp. 575–583.
- Saltykov A. (1934) *Moskovskiy Universitet v 1890–1895 gg.* [Moscow University in 1890–1895]. *Pamyati russkogo studenchestva* [In Memory of Russian Students], Paris, pp. 95–106.
- Shcherbakova E. (1996) *Etika revolyutsionnogo deystviya (60-e gody XIX v.)* [Ethics of Revolutionary Actions (1860s)] (PhD Thesis). Moscow: Lomonosov Moscow State University.
- Shchetinina G. (1980) Iz istorii studencheskogo dvizheniya kontsa 70-kh—nachala 80-kh godov [From the History of Student Movement of the Late 1870s—Early 1880s]. *Istoricheskie zapiski*, vol. 105, pp. 310–327.
- Shchetinina G. (1988) *Studenchestvo i revolyutsionnoe dvizhenie Rossii. Poslednyaya chetvert XIX v.* [Students and the Revolutionary Movement in Russia. The Last Quarter of the 19th Century] (PhD Thesis). Moscow: Institute of the History of the USSR.
- Simonov V. (195) *Vospitanniki Moskovskogo Universiteta—aktivnye uchastniki politicheskogo dvizheniya v kontse XIX—nachale XX vv.* [Moscow University Alumni as Active Members of the Political Movement of the Late 19th—Early 20th Centuries] (PhD Thesis). Moscow: Lomonosov Moscow State University.
- Sliozberg G. (1934) Dorevolutsionnoe russkoe studenchestvo [Students of Pre-Revolutionary Russia]. *Pamyati russkogo studenchestva* [In Memory of Russian Students], Paris, pp. 82–95.
- Speshkov S. (1908) *Zapiska, sostavlennaya po porucheniyu ministra narodnogo prosveshcheniya chlenom soveta taynykh sovetnikov Speshkovym o razlichnykh organizatsiyakh sredi uchashchikhsya i uchashchikh v razlichnykh uchebnykh zavedeniyakh* [The Letter on Various Student and Teacher Organizations in Different Educational Institutions, Written by Sergey Speshkov, Member of the Privy Council, by Order of the Minister of National Education]. St. Petersburg.
- Svatikov S. (1916) *Studenchestvo prezhde i teper* [Students Then and Now]. *Put studenchestva: sb. st.* [The Students' Path. Collection of Articles], Moscow, pp. 1–19.
- Tikhomirov M. (ed.) (1955) *Istoriya Moskovskogo universiteta. T. I* [History of Moscow University]. Moscow, vol. I.
- Titkova S. (1983) Razrabotka Ugolovnogo ulozheniya i primeneniye yego v borbe s revolyutsionnym dvizheniem [Developing the Criminal Code and Using It to Fight the Revolutionary Movement]. *Pravovye problemy istorii gosudarstvennykh uchrezhdeniy: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Legal Issues in the History

- of Public Institutions. Interacademic Collection of Research Papers], Sverdlovsk, pp. 81–87.
- Titov A. (1905) *Studencheskie besporyadki v Moskovskom universitete v 1861 g. (iz bumag O. M. Bodyanskogo)* [Student Riots in Moscow University in 1861 (Evidence from Osip Bodyansky's Documents)]. Moscow.
- Vakhterova O. (2000) *Studenty i vlast v Rossii vo vtoroy polovine XIX—nachale XX v.* [Students and Government in Russia of the Second Half of the 19th—Early 20th Centuries]. *Vlast i obshchestvo. Mezhvuzovskiy sb. nauch. trudov* [Power and Society. Interacademic Collection of Research Papers], St. Petersburg, pp. 59–62.
- Veselaya G. (1974) *Studencheskie volneniya v Moskovskom universitete osenyu 1901 g.* [Student Unrests in Moscow University in Autumn 1901]. *Materialy po istorii osvoboditelnogo dvizheniya v Rossii v period kapitalizma* [Materials on the History of the Liberation Movement in Russia in the Era of Capitalism] (ed. V. Verzhbitsky), Moscow, pp. 133–147.
- Vishlenkova E., Galiullina R., Ilina K. (2012) *Russkie professora. Universitetskaya korporativnost ili professionalnaya solidarnost* [Russian Professors: University Corporatism or Professional Solidarity]. Moscow.
- Vydrin R. (1908) *Osnovnye momenty studencheskogo dvizheniya v Rossii* [Milestones in the Student Movement in Russia]. Moscow.
- Zavadsky N. (1998) *Studenchestvo i politicheskie partii v 1901–1914 gg.* [Students and Political Parties in 1901–1914]. St. Petersburg.
- Zelinsky O. (1906) *Universitetskiy vopros v 1906 g.* [The University Issue in 1906]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, no 8, pp. 111–159.
- Zimin I. (2005) *Studencheskaya forma i nagrudnye znaki v Rossii XIX—nachala XX v.* [Student Uniform and Lapel Pins in Russia of the 19th—Early 20th Centuries]. *Fakty i versii. Istoriko-kul'turny almanakh. Kniga IV. Metodologiya. Simvolika. Semantika* [Facts and Versions. Historical and Cultural Anthology. Book IV. Methodology. Symbolism. Semantics], St. Petersburg, pp. 107–121.